

ВЕЧЕР РУССКОЙ ПОЭЗИИ

«...похоже, это наилучший поезд. Мисс Этель Винтер с кафедры
английского языка встретит вас на станции и...»

Из письма приглашенному лектору

Предмет, что избран для беседы всюду
витает, хотя часто не решен:
базальтовых берегов взострив наклон,
река по-русски залопочет чудно,
как дети говорящие сквозь сон.
В фонарь волшебный вставь помощник снова
тот слайд, позволь цветистому лучу,
мое ли имя иль другое слово,
на стену вывести, увидеть их хочу
в славянских буквах. Молодец, готово.

На спелых склонах грек, взглянув на запад,
свой алфавит приметил в журавле,
летащем сквозь закат стрелой к заре.
Но наши улы, древесины запах
и горизонта тающий предел
сменили форму взятых птиц и стрел.
Что, Сильвия?

*«Лишь о словах хотел,
нам рассказать? Ведь знание только важно?»*

И звук и форма – все взаимосвязно,
вереск и мед, влитое и сосуд.
Изгиб не только радуги есть суть,
круг в черепе, зерне и мире каждом,
в родном стихе, в великолепных гласных,
подобных писанкам, цветкам атласным,
в которых шмель укрылся золотой,
ракушкам, что хранят морской прибой.

Просодий правил будем мы касаться?

Чужим ушам в пентаметре родном
безвольным ямб наш может показаться,
пиррихием склоненный в крепкий сон.
Закрой глаза, прислушайся к строке.

Мелодия растет, чудесно слово
срединное завьется: вдалеке
удар ты слышишь первый, но второго
скользнула тень, и третий гонга зовом
под вздох четвертого коснется слуха.

Все это очаровывает ухо,
когда неспешно расцветают звуки
как роза в познавательном кино.

Поэзий именины – рифма, но
есть близнецов привычная порода
в моем как в языках других народов.
Любовь и кровь тебе срифмуют в раз,
с печалью - даль, свободу и природу,
и человечность – вечность, с князем – грязь,
луну с бесчисленностью слов и тем,
но солнце, ветер, жизнь и смерть ни с чем.

За морем, где мой скипетр истлел,
имен я пегих слышу ржанье между
причастий кротких шагом по листве,
что стелется вслед шелесту одежды,
глагол течет на ahla и на ili,
Алтая ночь и аонийский грот,
там черный омут звуков с «и» для лилий.
Звенит стакан пустой, но вот накрыли
его рукой, и тихий звук замрет.

«Деревья? Звери? Ваш любимый камень?»

Береза, Синтия, и ель, Джоанна.
К листу что умер, но еще висит,
как гусеница, зацепивши нить,
качнется сердце, и я вижу рядом:
береза стройная на цыпочках стоит
среди ветров и ели возле сада,
вечерний жар сквозь их золу горит.

Зверей, гуляющих в стихах порой,
всех прежде птица бардов, гость ночной:
передается уймой выражений
его трель, посвист, переливов строй
флейто и призракоподобных пений.
Эпитетов бесчисленных лишь часть
точна; всеобщих мы рубинов чужды.
И грань и блеск стушеваны у нас,
сокровища сокрыты. Ювелир окном
дождливой ночью не заманит в дом.

Спина как Аргус. Вижу или мнится –

следит за каждым шагом, каждый миг,
шпионов свора, бороды на лицах,
вползают, кляксы ставя на страницах,
читают в лупу свежий черновик.
И в темноте, у окон моей спальни,
пока дрожащий день не сменит ночь,
начав свой путь, с опаской ждут подале
иль подобравшись, в колокольчик-память
звонят у двери и сбегают прочь.

Дай мне припомнить пока чары крепки:
безлюдная дорога далека,
и Пушкин, убаюканный в карете,
откинул воротник, плащом согретый,
зевнул и слушал песню ямщика.
Бесформенные желтые rakeety,
напев пейзажем скучным порожден,
поля без края, небо тучей скрыто,
травы и кожи запах под дождем.
Затем синкопа, плач и всхлип (Некрасов!),
слог задыхается, громадит стих,
навязчиво скрипучий, но прекрасней
для многих рифма эта всех других.
О человечестве, о лучшей жизни,
влюбленных пара в спутанном саду
сроднилась в грезах, где живей, чем в жизни
сердца и древа под луной в саду.
Сильно влечение к преувеличениям
в стихах у русских. Всяк из нас желал,
чтоб лишь души возвышенным движеньем
крот рысью или ласточкою стал.
Но преданные символам ненужным,
в соседстве с босоногою тропой,
дороги наши все заводят дружно
в молчанье ссылки, в забытья покой.

Нет времени, я мог бы завершить
рассказ великолепный – neighukluzhe,
nevynossimo – но пора спешить.

С кем я делил изящный шелест слов?
Со скрытой в шляпе птицею слепой
от пальцев и яиц, их расколов
в цилиндр полный солнечных желтков.

Сказать еще мне в завершении нужно,
химеры всюду следуют за мной,
пространство распадается, опора
на щедрость памяти порой зыбка:
однажды в месте пыльном в графстве Мора
(полупустыня полугородка),

еще раз в Вест-Виржинии у грязной
тропы, где капал теплый дождь в саду,
явилось дрожью, чувством неотвязным
чего-то русского, что я вдохнул,
но разглядеть не смог. Промолвив звук,
вновь спит малыш, напрасен в двери стук.

Волшебник соберет нехитрый скарб –
платок цветной, магический волчок
и рифмы с дном двойным, хрустальный шар.
Ты фокус разгадал, иль показалось,
но таинство нетронутым осталось.
Конверт с улыбкою предъявит счет.

*«А как по-русски “разговор прекрасен”?
“Спокойной ночи” как?»*

Ну что ж, смотри:

Bessonnitza, tvoy vzor oonyl i strashen;
lubov moya, otstoonika prostee.
(Insomnia, your stare is dull and ashen,
my love, forgive me this apostasy.)

Перевод с англ. А. Иолкина

